

Красавский Николай Алексеевич

КОНЦЕПТ "ОТЧАЯНИЕ" В ПОВЕСТИ СТЕФАНА ЦВЕЙГА "ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ"

Изложены результаты исследования концепта "отчаяние" на материале повести австрийского писателя прошлого века Стефана Цвейга "Письмо незнакомки". Установлены денотативные области концептуализации отчаяния в данной повести - 1) смерть; 2) состояние душевной опустошенности и тоски; 3) мука, мучительные переживания; 4) психофизическое состояние человека. Выявлен основной способ вербализации концепта "отчаяние" - выражение. Ассоциативно-образные признаки индивидуально-авторского концепта Стефана Цвейга в повести "Письмо незнакомки" сводятся к следующим: заплаканные глаза, слезы, мертвое тело, мерцающие свечи, сжатые от душевной боли и безысходности кулаки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 82-85. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

SEMANTICS OF COORDINATING CONJUNCTIONS IN THE RUSSIAN AND FRENCH LINGUISTICS: RESEARCH PARADIGMS

Kovtunenko Inna Viktorovna, Ph. D. in Philology
Southern Federal University
kivi05@rambler.ru

In the article the Russian and French coordinating conjunctions are considered. Special attention is given to the specificity of the semantics of coordinating conjunctions and their interlanguage equivalence in the Russian and French linguistics. It is revealed that the correlation of the semantic and communicative-functional aspects of using coordinating conjunctions has not been studied enough yet.

Key words and phrases: conjunction; coordinating connection; semantics of coordinating conjunction; functions of coordinating conjunction; the Russian grammar; the French grammar.

УДК 81.373

Филологические науки

Изложены результаты исследования концепта «отчаяние» на материале повести австрийского писателя прошлого века Стефана Цвейга «Письмо незнакомки». Установлены денотативные области концептуализации отчаяния в данной повести – 1) смерть; 2) состояние душевной опустошенности и тоски; 3) мука, мучительные переживания; 4) психофизическое состояние человека. Выявлен основной способ вербализации концепта «отчаяние» – выражение. Ассоциативно-образные признаки индивидуально-авторского концепта Стефана Цвейга в повести «Письмо незнакомки» сводятся к следующим: заплаканные глаза, слезы, мертвое тело, мерцающие свечи, сжатые от душевной боли и безысходности кулаки.

Ключевые слова и фразы: лингвоаксиология; лингвоконцептология; менталитет; вербализация; способ вербализации концепта; обозначение; описание; выражение; образ; концепт; индивидуально-авторский концепт; контекст.

Красавский Николай Алексеевич, д. филол. н., профессор
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
nkrasawski@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ОТЧАЯНИЕ» В ПОВЕСТИ СТЕФАНА ЦВЕЙГА «ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ»[©]

Исследование проведено при финансовой поддержке Минобрнауки России на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания № 2014/411 (код проекта: 1417).

Филологической общественности хорошо известен факт изобилия исследовательских работ, описывающих многочисленные концепты национальных языков. Лингвоконцептологами уже основательно рассмотрены не только этномаркированные концепты [5; 7], изучение которых мы считаем наиболее продуктивным для социологии, культурологии и лингвоаксиологии в теоретическом и прикладном аспектах, но и концепты, в содержании которых едва заметна специфика менталитета того / иного народа [2, с. 129-132; 3; 10]. Возникает вопрос – не исчерпан ли потенциал лингвоконцептологических исследований? Перспективы развития и обогащения филологического – в целом гуманитарного – знания новыми идеями и открытиями у лингвоконцептологии, безусловно, есть.

Во-первых, как показывает обзор работ, сегодня выполнено еще недостаточно исследований, авторы которых решают задачу фундаментального описания обширных по охвату микроконцептосфер национальных языков. Здесь имеются в виду прежде всего те значительные участки концептосферы, которые представляют собой своеобразный кластер – совокупность онтологически близких когнитивных образований, общность концептуализированных областей картины мира. Далее заметим, что в последние годы ученые начинают привлекать к лингвокультурологическому анализу диады концептов, например, концепты зависти и ревности [12], стыда и вины [5], плотно коррелирующие друг с другом в языковом сознании и коммуникативной деятельности *homo loquens*. Вербальные репрезентации диад концептов обладают разноплановыми сходствами как в фило-, так и в онтогенезе, чем и обусловлен, как мы понимаем, повышенный интерес к ним лингвоконцептологов. Сегодня есть успешные исследования, направленные на описание кластера концептов – например, концептуального поля «терпение» [6].

Во-вторых, перспективными нам представляются те исследовательские работы, в центре внимания которых описание *индивидуально-авторских* концептов [4, с. 92-95; 9, с. 104-106]. Изучение индивидуально-авторских концептов позволяет выявить, с одной стороны, специфику их содержания, установить в них смысловые приращения, часто противоречащие общепринятому, если так можно выразиться, стандартному пониманию национального концепта, а с другой – определить особенности индивидуальной вербализации данного ментального

образования. Стоит заметить, что описание индивидуально-авторских концептов, на наш взгляд, особенно важно, если оно проведено в лингвоаксиологическом ключе. Ценностная составляющая концепта, равно как и его понятийный и перцептивно-образный признаки, признается большинством исследователей, насколько мы можем судить, облигаторной в структуре этого когнитивного образования. При изучении национальных концептов выявляются некие усредненные ценности, те ценностные ориентиры, которые понятны и санкционированы большинством носителей того / иного языка. Поскольку ценности как система поведенческих правил, как своеобразный морально-этический кодекс могут быть в определенной степени и индивидуальными, то возникает необходимость их выявления, в том числе и через интерпретацию художественных текстов, созданных конкретными языковыми личностями. Как правило, при этом в поле зрения концептологов оказываются элитарные языковые личности. Среди них – известные писатели, поэты, ученые, некоторые общественные и государственные деятели, обогатившие в ряде случаев своими аксиологическими установками, вербализованными концептами как минимум групповые концептосферы, а иногда и национальные.

К числу таких элитарных языковых личностей, вне сомнения, относится Стефан Цвейг (1881-1942 гг.), считающийся самым популярным в мире австрийским писателем. «Он захватывает читателя с первых строк любой своей книги, щедро одаривая радостью узнавания и сопереживания до самых последних страниц. Книги Цвейга из числа тех, о которых принято говорить, что их —роглатывают». Занимательность сюжета, легкость беглого, но аккуратного слога, щемящая душу чувствительность описаний, доступный психологизм диалогов – вот слагаемые такого успеха», – справедливо утверждал в 1982 году отечественный литературный критик и переводчик Ю. И. Архипов [1, с. 410]. Не потерял своей популярности, судя по тиражам постоянно переиздаваемых книг, Стефан Цвейг и в наши дни.

В нашей статье ставятся следующие задачи: 1) определить основной способ вербализации концепта «отчаяние» в повести Стефана Цвейга «Письмо незнакомки»; 2) установить денотативные области концептуализации отчаяния; 3) определить ассоциативно-образные признаки концепта «отчаяние».

Как сложное когнитивное образование концепт вербализуется такими способами, как обозначение и выражение. Обозначение – это присвоение конкретному фрагменту действительности специального знака. Выражение концепта – «это вся совокупность языковых и неязыковых средств, прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [8, с. 15].

В повести Стефана Цвейга «Письмо незнакомки» выявлено всего лишь 2 случая употребления номинанта (т.е. обозначения) интересующего нас концепта «Verzweiflung» (отчаяние), в то время как индекс частотности его выражения составляет порядка 40 позиций. У слова «Verzweiflung» есть следующие синонимы – *Niedergeschlagenheit, Depression, Bedrückung, Verzagtheit, Mutlosigkeit* [11, с. 404], когнитивные признаки которых в силу семантической соотнесенности членов синонимического ряда раскрывают содержание концепта «Verzweiflung» (отчаяние). Однако случаев использования данных синонимов в повести не выявлено. Установленные количественные различия легко объяснимы: выражение концепта – это разветвленная система оязыкования тематически связанной концептуализируемой области действительности. Можно предположить, что выражение концепта является доминирующим способом его объективации в коммуникативной деятельности человека, по крайней мере, в художественном дискурсе. Заметим, что в ряде случаев оба способа вербализации концепта могут иметь место в одном и том же художественном контексте, что обусловлено коммуникативной интенцией автора, с одной стороны, образно охарактеризовать объект своего описания, а с другой – психологически воздействовать на сознание читателя. Для иллюстрации этого положения приведем следующий пример: *Und in den Wochen, wo Du verreist warst – mir stockt immer das Herz vor Angst, wen nicht den guten Johann Deine gelbe Reisetasche hinabtragen sah –, in diesen Wochen war mein Leben tot und ohne Sinn. Mürrisch, gelangweilt, böse ging ich hemm und mußte nur immer achtgeben, dass die Mutter an meinen verweinten Augen nicht meine Verzweiflung merke* [13, S. 25]. / И в те недели, когда ты был в отъезде, – у меня каждый раз от страха сжималось сердце, когда я видела доброго Йоханна, который выходил вниз с твоим желтым чемоданом, – в эти недели моя жизнь замирала, становилась совершенно бессмысленной. Раздосадованная, скукающая, сердитая и злая я ходила по комнатам дома, думая о том, как бы моя мать не заметила по моим заплаканным глазам охватившего меня отчаяния. (Здесь и далее перевод автора – Н. К.) Употребление лексемы *Verzweiflung*, являющейся обозначением отчаяния, указывает на эмоциональное состояние протагониста повести (незнакомки) – ее глубокую депрессию, вызванную периодическими отъездами живущего напротив нее молодого писателя, в которого она, еще будучи подростком, влюбляется на всю жизнь. В этом же отрывке текста есть и выражение концепта «Verzweiflung» – словосочетание *verweinte Augen* (заплаканные глаза) и предложение – *<...> war mein Leben tot und ohne Sinn* (жизнь замирала, становилась совершенно бессмысленной), образно изображающие состояние персонажа произведения.

Лексемы и фразеологизмы, выражающие концепт «Verzweiflung», поддаются семантической классификации. Они соотносятся с такими денотативными областями, как: 1) смерть (*der Tod / смерть; sterben / умирать; letzte wache Stunde / последний час жизни; tot unter den flackernden Kerzen / мертвый под мерцающими свечами; der tote Ton der Klingel / мертвый звук звонка*); 2) состояние душевной опустошенности и тоски (*leer / пустой, опустошенный; die geballt vordringende Sehnsucht / сжатая в кулак прорвавшаяся тоска; tränende Augen / слезящиеся глаза; verweinte Augen / заплаканные глаза; die Seele ausschreien / излить душу; Tränen schießen in die Augen / слезы появились в глазах; das Herz schlug – сердце застучало*); 3) мука, мучительные переживания (*die Qual / мучение; die Höllenqual / адское мучение; finstere Welt von Selbstqual und Einsamkeit / сумрачно-жуткий мир самоистязания и одиночества; ganze Seele zitterte / вся душа дрожала*); 4) психофизическое состояние человека (*meine Sinne sind trüb und verwirrt / мои мысли и восприятие замутнены и запутанны; es zuckt und hämmert mir an den Schläfen / у меня стучит в висках*).

Коррелирующие с концептом денотативные области, как можно видеть, могут быть легко спроецированы и на другие понятия, отражающие внутренний мир человека. Значительно более интересны ассоциативно-образные признаки индивидуально-авторского концепта «отчаяние» Стефана Цвейга.

В приводимом ниже отрывке из повести описывается психофизическое состояние незнакомки. В своем письме (обратный адрес на нем не указан) писателю Р., не знавшего о ее любви к нему, она, полная отчаяния после смерти малолетнего сына, повествует об истории своей жизни, в частности, о ее последних часах: *Denn ich kann nicht allein sein mit meinem toten Kinde, ohne mir die Seele auszuschreien, und zu wem sollte ich sprechen in dieser entsetzlichen Stunde, wenn nicht zu Dir, der Du mir alles warst und alles bist! Vielleicht kann ich nicht ganz deutlich zu Dir sprechen, vielleicht verstehst Du mich nicht – mein Kopf ist ja ganz dumpf, es zuckt und hämmert mir an den Schläfen, meine Glieder tun so weh* [Ibidem, S. 13]. / *Ведь я не могу остаться наедине с моим умершим ребенком и при этом не излить свою душу. С кем мне говорить сейчас, если не с тобой, говорить в эту страшную минуту. Ты ведь всегда был и остаешься всё для меня! Кажется, я не смогу точно выразиться, наверное, ты не поймешь меня – мне трудно даются мысли, у меня стучит в висках, стук молотка, все мое тело ломит от боли.* Опорными в данном эпизоде текста выступают лексемы *tot* (умерший, мертвый), *entsetzlich* (страшный), *weh* (боль), служащие лексическим средством выражения отчаяния незнакомки. Через их использование С. Цвейг показывает глубину душевных мук молодой одинокой женщины, потерявшей своего единственного ребенка. Индивидуально-авторскому концепту «Verzweiflung» (отчаяние), судя по контексту, приписываются такие ассоциативно-образные признаки, как «стук молотка», «боль в висках», «физическая боль в теле», «боль в голове». Сюжетная канва, равно как и употребление лексем *tot* (умерший, мертвый), *entsetzlich* (страшный), *weh* (боль), вызывают у читателя тягостные ассоциации.

В следующем месте письма описано психическое состояние незнакомки, передаваемое лексемами *tot* (умерший, мертвый), *trüb* (мрачный, мутный), *verwirrt* (закрученный): *<...> unser Kind liegt ja da tot unter den flackernden Kerzen; ich habe zu Gott die Fäuste geballt und ihn Mörder genannt, meine Sinne sind trüb und verwirrt* [Ibidem, S. 46]. / *<...> наш ребенок лежит вот здесь, мертвый, под мерцающими свечами; я, сжав кулаки, грозил богу, называла его убийцей, мои мысли замутнены и запутанны.* Здесь, как можно видеть, состояние отчаяния раскрывается через образы мертвого ребенка, мерцающие свечи, сжатые от душевной боли и безысходности кулаки, которыми угрожает героиня произведения богу за несправедливое отношение к ней и ее сыну.

Состояние душевной опустошенности и тоски не менее ярко и образно выражено и в следующем отрывке произведения: *Warum soll ich nicht gerne sterben, da ich Dir tot bin, warum nicht weitergehen, da Du von mir gegangen bist? Nein, Geliebter, ich klage nicht wider Dich, ich will Dir nicht meinen Jammer hinwerfen in Dein heiteres Haus. Fürchte nicht, dass ich Dich weiter bedränge – verzeih mir, ich musste mir einmal die Seele ausschreien in dieser Stunde, da das Kind dort tot und verlassen liegt* [Ibidem, S. 64]. / *Почему мне не стоит умереть, если я мертва для тебя, почему мне нельзя уйти, если ты от меня ушел? Нет, любимый, я не обвиняю тебя ни в чем, я не желаю принести в твой дом, полный радостей, огорчения. Не переживай, я больше не буду надоедать тебе, прости меня, но я же должна была излить свои чувства и душу свою в час, когда мой ребенок умер.* В самом первом предложении приведенного примера концепт «отчаяние» соотносится с денотативной областью смерти – *tot* (умерший, мертвый), *der Tod* (смерть). Как в предыдущем текстовом фрагменте использование лексических единиц данной денотативной области вызывает у читателя чувство сопереживания протагонисту, реактивирует в сознании целый комплекс ассоциаций.

Подытожим изложенное выше.

В повести Стефана Цвейга «Письмо незнакомки» ключевые позиции занимает концепт «отчаяние», что обусловлено идейным содержанием и тематической направленностью данного произведения. Вербализация этого концепта осуществляется посредством ее такого способа, как выражение. Данный концепт соотносится в первую очередь с такими денотативными сферами, как смерть, состояние душевной опустошенности и тоски, мучительные переживания, психофизическое состояние человека в целом. В повести «Письмо незнакомки» выявлены следующие ассоциативно-образные признаки концепта «отчаяние»: заплаканные глаза, слезы, мертвое тело, мерцающие свечи, сжатые от душевной боли и безысходности кулаки.

Список литературы

1. Архипов Ю. И. Триумф и трагедия Стефана Цвейга // Стефан Цвейг. Нетерпение сердца. Исторические миниатюры. М.: Правда, 1982. С. 410-415.
2. Блинова И. С. Этнокультурная специфика концепта «старость» (на материале русского и немецкого языков) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 129-132.
3. Бутенко Е. Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 16 с.
4. Выстропова О. С. Гипербола и сравнение как способы репрезентации индивидуально-авторского концепта «любовь» в творчестве Р. Бёрнса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 1 (76). С. 92-95.
5. Дженкова Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 236 с.
6. Долгова И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 26 с.
7. Зубкова Я. В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 22 с.
8. Карасик В. И. Концепт как категория лингвокультурологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2002. № 1 (01). С. 14-23.

9. Макарова О. С. Метафорическая реализация индивидуального базисного концепта «Wahrheit» в философии Ф. Ницше // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22). С. 104-106.
10. Мошина Е. А. Сопоставительный анализ способов объективации концептов «надежда» и «горе» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005. 20 с.
11. Немецко-русский словарь синонимов. Тезаурус / сост. И. Лисовская. М.: Ин. язык, 2002. 448 с.
12. Несветайлова И. В. Зависть и ревность как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
13. Zweig St. Brief einer Unbekannten // Zweig St. Brief einer Unbekannten. Die Hochzeit von Lyon. Der Amokläufer. Drei Erzählungen. Frankfurt a/M: S. Fischer Verlag, 1985. 164 S.

CONCEPT OF "DESPAIR" IN THE STORY BY STEFAN ZWEIG "LETTER FROM AN UNKNOWN WOMAN"

Krasavskii Nikolai Alekseevich, Doctor in Philology, Professor
Volograd State Socio-Pedagogical University
nkrasawski@yandex.ru

The paper presents the results of investigating the concept of «despair» by the material of the story by the Austrian writer of the past century Stefan Zweig «Letter From An Unknown Woman». The author defines the denotative areas of conceptualization of despair in the story – 1) death; 2) feeling of being drained, depression; 3) torture, painful emotional stress; 4) psychophysical condition of a human being. The researcher identifies the basic method of verbalization of the concept of «despair» – representation. Associative – imaginative features of Stefan Zweig’s original concept in the story «Letter From An Unknown Woman» come to the following: tearful eyes, tears, dead body, flaring candles, fists clenched from heartache and desperation.

Key words and phrases: linguoaxiology; linguoconceptology; mentality; verbalization; method of verbalization of the concept; denomination; description; representation; image; concept; author’s original concept; context.

УДК 811.11-112

Филологические науки

В рамках данной статьи предпринята попытка описать различные подходы в определении сущности метафоры, дается описание современного состояния проблематики в рамках когнитивной лингвистики. В качестве объекта исследования выступают номинации фитонимы современного немецкого языка. Проводится когнитивно-ономазиологический анализ фитонимов, выявляются различные виды метафор, и осуществляется их классификация.

Ключевые слова и фразы: концептуальная метафора; фитонимическая метафора; терминологическая метафора; фитонимы; мотивационные признаки; репрезентация когнитивных структур; концептуальная картина мира.

Кудрявцева Наталья Борисовна, к. филол. н.

Белгородский национальный научный исследовательский университет
nkud@bsu.edu.ru

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ[©]

Многоаспектность и многоплановость такого явления как метафора подтверждается неиссякаемым интересом к данному явлению, начиная с эпохи античности (работы Аристотеля) и до настоящего времени. Метафора рассматривается с самых различных научных позиций, под разными углами зрения (в лингвистическом, когнитивном, логическом, психологическом, философском, лингвокультурологическом и др. аспектах). Особенный интерес представляют собой теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые утверждают, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом. Концептуальные метафоры можно встретить почти во всех сферах человеческой деятельности. Многие ученые указывают на то, что первым ученым, обратившим внимание на познавательный потенциал метафоры, был Аристотель, однако его указание на когнитивную сущность метафоры интерпретировали неверно, исказив первичный смысл его слов о способности «метафоры проникать в сущность вещей» [2, с. 213]. Именно возвращение к изначальному смыслу слов Аристотеля и последовавшие за этим исследования метафоры с когнитивных позиций способствовали смене научных представлений об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале, однако вопросы обработки знаний в процессе метафоризации и его механизмах, способах репрезентации когнитивных структур и их системности вызывают многочисленные споры.

Не менее спорным остается и вопрос о существовании метафоры в языке науки. Долгое время в лингвистике господствовало мнение об отсутствии (и недопустимости) метафор в языке науки, так называемое табу на существование метафор в терминологии: так, например, немецкие лингвисты, сторонники этой точки зрения, отмечают, что метафоры являются единицами языка, значение которых формируется не в рамках языковой системы,